

Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта

Мария Михайловна Базлуцкая^{1a}✉,
Анна Николаевна Сытник^{2b}✉

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^a m.bazlutskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>

^b a.sytnik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>

Аннотация. В условиях глубочайшего геополитического кризиса цифровая дипломатия претерпевает изменения. Если во время пандемии COVID-19 внутренние вызовы привели к появлению гибридной, или смешанной, дипломатии, то сегодня этот феномен пытается пережить внешнюю фрагментацию Интернета и деплатформинг. Эти факторы влияют на изменение роли министерств иностранных дел, которые из исключительно первичного источника информации превращаются в трансмедийные холдинги. Авторы утверждают, что цифровая дипломатия США в России может служить примером такой эволюции. С помощью теории трансмедийного вовлечения авторы показывают, что цифровая дипломатия США зависит не только от работы Государственного департамента или Агентства по глобальным медиа, но получает более широкий охват благодаря распространению

сообщений сетью медиаисточников, которые придерживаются аналогичных с этими ведомствами фреймов. Иллюстрируется это с помощью фрейм-анализа почти 6 000 публикаций из социальной сети X^{*1}, размещенных на официальных аккаунтах американской цифровой дипломатии и организаций, признаваемых США в качестве российских «независимых СМИ». Анализ охватывает четыре крупнейших кризиса в отношениях между Россией и США, приходящихся на 2011, 2012, 2014 и 2022 гг., и проводится с помощью таких инструментов, как ChatGPT, Gephi и Voyant Tools. Статья восполняет пробел в исследовании цифровой дипломатии США в России и делает качественный прорыв в изучении текстовых фреймов с помощью технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, социальные сети, США, Россия, искусственный интеллект, ChatGPT, Voyant Tools, Gephi

Для цитирования: Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 63-85, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85)

Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia

Mariia M. Bazlutckaia^{1a}✉, Anna N. Sytnik^{2b}✉

¹ MGIMO University, Moscow, Russia

² Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

^a m.bazlutskaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>

^b a.sytnik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>

Abstract. In the context of the deepest geopolitical crisis, digital diplomacy is undergoing changes. If during the COVID-19 pandemic, internal challenges led to the emergence of hybrid or mixed diplomacy, today this phenomenon is trying to survive the external fragmentation of the Internet and de-platforming. These factors influence the changing role of foreign ministries, which are turning from an exclusively primary source of information into transmedia holdings. The authors argue that US digital diplomacy in Russia can serve as an example of such an evolution. Using the theory of transmedia engagement, the authors show that US digital diplomacy depends not only on the work of the State Department or the Agency for Global Media, but receives a wider reach due to the dissemination of messages by a network of media sources that adhere to similar frames as these departments. The authors illustrate this through a frame analysis of nearly 6,000 publications from the social

network X^{*2}, posted on official accounts of American digital diplomacy and organizations recognized by the United States as Russian “independent” media. The analysis covers the four major crises in US-Russia relations, occurring in 2011, 2012, 2014, and 2022, and is conducted using tools such as ChatGPT, Gephi, and Voyant Tools. The article fills a gap in the study of US digital diplomacy in Russia and makes a qualitative breakthrough in the study of text frames using artificial intelligence technologies.

Keywords: digital diplomacy, social media, USA, Russia, artificial intelligence, ChatGPT, Voyant Tools, Gephi

For citation: Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2024; 4(14): 63-85, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85)

Введение

Ни для кого не секрет, что министерства иностранных дел (МИД) обращаются к глобальной аудитории для достижения своих политических целей с помощью новых технологий. На рубеже тысячелетий это явление получило название «цифровая дипломатия» [13].

Одна из тенденций развития феномена касается диффузии власти от государственных к негосударственным акторам. Даже если государство и аффилированные с ним структуры считаются «законодателями мод» в управлении цифровой дипломатией [7], существуют международные организации [10], неправительственные организации и даже отдельные лица, которые используют те же цифровые практики для защиты собственных или глобальных целей [24, с. 298].

Еще в 2008 г. профессор Университета Южной Калифорнии Н.Дж.Калл в своей таксономии отнес международное вещание к публичной дипломатии. Он отметил тенденцию, которая усилилась в последующие годы под влиянием новых технологий и политической фрагментации [12]. Дж.Паммент из Лундского университета поддержал эту идею, заявив, что дипломатия сегодня превратилась в настоящую медиаиндустрию [25]. Развивая мысль в том же направлении, К.Бьола из Оксфордского университета говорит о «цифровых дипломатических системах», или «сети сетей», которые представляют собой современную структуру дипломатической онлайн-практики³. Скорость распространения информации в сети и способ ее подачи способствуют тому, что МИДы перенимают опыт и тактику СМИ и становятся новыми медиаакторами [21].

¹ * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

² * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

³ Bjola C. Digital diplomacy: From tactics to strategy. *The Berlin Journal*. 2018; Vol. 32. URL: <https://www.americanacademy.de/digital-diplomacy-tactics-strategy/>.

Х.Ордэн и Дж.Паммент проводят различие между иностранными и внутренними операциями влияния с помощью цифровых технологий, осуществляемыми государствами, гражданами и прокси-организациями⁴. Последние служат иностранным интересам, и их деятельность на внутренней территории может рассматриваться как вмешательство или даже угроза суверенитету.

Учитывая тенденцию на рассеивание влияния с помощью прокси, стоит проследить, может ли цифровая дипломатия государства за рубежом извлечь из этого выгоду. В качестве анализируемого кейса выступает цифровая дипломатия США в России на платформе X⁵ в ходе крупнейших кризисов двусторонних отношений между странами. Причина такого выбора кроется в конкурентном характере российско-американского взаимодействия в информационной сфере, который в Концепции внешней политики Российской Федерации определен как «гибридная война нового типа»⁶. Кроме того, крупнейшие американские социальные сети были заблокированы в России за распространение нелегального контента, что вынуждает США адаптироваться к медиасреде, которой они не могут напрямую управлять.

Материалы и методы исследования

Цифровая дипломатия США в России

Несмотря на довольно активное исследование феномена цифровой дипломатии, комплексному изучению цифровой дипломатии США в России уделяется мало внимания, в первую очередь в западной научной школе. Отдельные российские работы изучают стратегии США в информационном пространстве [7] или пытаются оценить эффективность цифровой дипломатии с помощью метрик вовлеченности [4]. Одни из последних статей посвящены онлайн-играм цифровой дипломатии США, ориентированным на развитие «медиаграмотности» граждан постсоветского пространства [2]. Цифровая активность США также рассматривается через призму НАТО [1] и международной информационной безопасности [6]. Существуют зарубежные сравнительные исследования цифровой дипломатии США и России на краткосрочном отрезке времени [23]. Однако в литературе отсутствует комплексный анализ эволюции дискурса США в России и его распространения в российском информационном пространстве. Наша работа призвана восполнить данный пробел.

4 Ördén H., Pamment J. What Is So Foreign About Foreign Influence Operations? Carnegie Endowment for International Peace, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/01/26/what-is-so-foreign-about-foreign-influence-operations-pub-83706>.

5 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной информации, 18+.

6 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>.

Эволюция цифровой дипломатии тесно связана с двумя ключевыми факторами: технологическим развитием и стратегией внешней политики государства. С точки зрения технологий, как только новые коммуникационные инструменты становятся доступны для дипломатов, наступает стадия «адаптации» [9]. На этом этапе цифровое решение подстраивается под существующую дипломатическую практику. За фазой адаптации следует «внедрение», в ходе которого дипломатия трансформируется за счет применения технологии, а государство формирует стратегическое видение дальнейшего использования последней.

Для лучшего понимания адаптации цифровой дипломатии США к информационному пространству России рассмотрим ее развитие с 2009 г., когда администрация Барака Обамы внедрила концепцию «Государственного управления XXI века». Этот подход дал старт так называемой «Твипломатии» (англ. Twiplomacy) [20] – Госдепартамент США и Агентство США по глобальным медиа зарегистрировали первые аккаунты на русском языке в X⁷. Следует отметить, что Россия не была приоритетом в цифровой дипломатии США вплоть до украинского кризиса 2014 г., когда «российская пропаганда» была впервые определена как угроза в американских официальных документах⁸. В результате государственные каналы вещания США сыграли ключевую роль в реализации новых политик.

Рост влияния российских СМИ за рубежом в 2016–2017 гг. [26] стал поворотным моментом, когда цифровая публичная дипломатия США превратилась в инструмент открытого дискурсивного противостояния и сдерживания и получила дополнительное финансирование (таблица 1). Центр глобального взаимодействия (англ. Global Engagement Center, GEC) – структура Государственного департамента США, созданная в 2016 г., – активно включился в работу по противодействию российским нарративам по всему миру, включая саму Россию, бывшие советские республики, Латинскую Америку и Ближний Восток [29].

Эскалация конфликта на Украине в 2022 г. привела к дальнейшей эволюции цифровой дипломатии США в инструмент информационной войны против России. Западные журналисты, включая сотрудников Агентства США по глобальным медиа, стали активными участниками этой борьбы⁹.

7 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной информации, 18+.

8 U.S. Department of State. 2014. 2014 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. URL: <https://www.state.gov/2014-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/>.

9 Seib P. Why Russia Is Losing the Information War: Comment. USC Center on Public Diplomacy, 2022. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/why-russia-losing-information-war> [In English].

Таблица 1. Расходы США на публичную дипломатию (в млн долл. США)
Table 1. U.S. public diplomacy spending (in millions \$)

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Средства, выделенные на Россию	4,86	4,93	4,72	9,74	14,48	11,23	11,85	11,41	11,73	11,49
Место России в общих расходах на публичную дипломатию США	10	11	21	5	3	4	5	5	4	4
Место России в расходах на публичную дипломатию США в Европе	2	2	2	1	1	1	2	2	2	2

Источник: составлено авторами на основе данных U.S. Comprehensive Annual Reports on Public Diplomacy and International Broadcasting 2014–2023 [Всеобъемлющие ежегодные отчеты США по общественной дипломатии и международному вещанию 2014–2023 гг.]¹⁰

Source: created by the authors on the U.S. Comprehensive Annual Reports on Public Diplomacy and International Broadcasting 2014–2023¹¹

Гипотеза и исследовательский вопрос

Согласно видению Дж.Паммента, дипломатия и медиа представляют две стороны одной медали и посредством трансмедийного вовлечения воздействуют на свою целевую аудиторию [25]. При этом, несмотря на то, что достаточное количество работ уделяет внимание теории трансмедийного повествования [17], научное сообщество едва касалось исследования каналов цифровой дипломатии как ключевых узлов или даже центров сети установления повестки дня. На примере цифровой дипломатии США в России авторы развивают идею о том, что министерства иностранных дел в рамках цифровой дипломатии выступают в качестве менеджеров гибридных сетей и все чаще применяют власть не напрямую, а задействуют коллективные инструменты влияния.

Учитывая значение, которое США придают постсоветскому пространству, в первую очередь России, авторы выдвигают следующую гипотезу: США распространяют свое влияние в социальных сетях и используют последнее для вмешательства во внутренние дела стран не только с помощью официальных каналов цифровой дипломатии, но активно задействуют внешние средства массовой информации, которые признаются США в качестве «независимых» и способствуют распространению американских нарративов и фреймов.

По причине того, что подобные медиаресурсы часто не раскрывают свои источники финансирования, невозможно установить прямую взаимосвязь между ними и цифровой дипломатией США. Поэтому для проверки гипотезы авторы обратились к

¹⁰ U.S. Department of State 2014–2023. URL: <https://state.gov/>.

¹¹ Там же.

теории фрейминга [16]. С помощью сравнительного фрейм-анализа [18] авторы сопоставляют продвигаемое представление о реальности и происходящих событиях на страницах официальных аккаунтов цифровой дипломатии США и так называемых «независимых СМИ». После этого делаются выводы о возможных взаимосвязях этих категорий информационных ресурсов.

Исследовательский вопрос работы: в чем заключаются сходства фрейминга официальных каналов цифровой дипломатии США и источников, признаваемых Соединенными Штатами в качестве «независимых»?

Фрейминг и фрейм-анализ

Авторы придерживаются классического определения фрейминга, данного американским ученым Р.Энтманом: «выделение отдельных аспектов реальности и акцентирование их в коммуникативном тексте таким образом, чтобы способствовать определению конкретной проблемы, причинной интерпретации, моральной оценке и/или рекомендации по ее решению» [14, с. 52]. Фрейминг можно обнаружить в метафорах, крылатых выражениях, визуальных образах и моральных призывах [15]. Он также зависит от контекста, содержимого сообщения, положения самого фрейма и целей коммуникатора [8].

В научной литературе нет единого устоявшегося подхода к идентификации фреймов, их отбору и определению распространенности. И все же подходы к фрейм-анализу можно разделить на три большие группы.

Во-первых, это ручное кодирование, при котором ученым необходимо предварительно ранжировать набор данных [28]. С целью снизить предвзятость в этой категории методов исследователи прибегают к инструментам, позволяющим определить согласованность кодировщиков (процент совпадения результатов анализа между разными участниками эксперимента) [19; 27]. Во-вторых, это компьютерный фрейм-анализ, выполненный в автоматическом режиме. Такие методы полезны, когда исследователи работают с большими массивами данных, которые сложно обрабатывать и кодировать вручную [8]. Наконец, с целью уменьшить количество ограничений ученые могут прибегнуть к использованию смешанных методов, которые позволяют сохранить преимущества и избежать ключевых недостатков обоих вышеперечисленных типов анализа. Один из них – это машинное обучение под наблюдением. Здесь набор данных кодируется вручную заранее, а алгоритм обучается, прежде чем программа обработает запрос. На сегодняшний день это наиболее востребованная группа методов из-за увеличивающихся объемов цифрового контента, способная снизить риск ошибок и статистической погрешности из-за ограниченных выборок [11]. Несмотря на важность сочетания качественных методик при ручном кодировании и количественных методов [5], существенное и главное ограничение последнего подхода – это владение языками программирования.

К сожалению, известные авторам данной статьи методы не ответили на запрос по а) снижению предвзятости человеческого фактора и б) выявлению фреймов на

русском языке в автоматизированном режиме под наблюдением исследователей. В результате в статье предлагается методика выделения фреймов с помощью технологичного искусственного интеллекта (ИИ).

Материалы исследования содержат упоминания запрещенных и ограниченных в Российской Федерации каналов распространения информации. Упоминание осуществляется исключительно в научных целях и не направлено на поддержку экстремистских или других незаконных действий.

Выборка

Для проведения фрейм-анализа и выявления взаимосвязей цифровой дипломатии США в России со сторонними акторами авторы сформировали выборку аккаунтов из социальной сети X¹². Несмотря на то, что платформа заблокирована в России, она была основной площадкой, используемой каналами цифровой дипломатии США на русском начиная с 2009 г. по 2022 г., и на ней сохранилось наибольшее количество информации для формирования полноценного массива данных.

В первую группу исследуемых аккаунтов вошли официальные аккаунты государственных органов США на русском языке (таблица 2)¹³. Далее мы будем называть эту группу «официальные каналы»¹⁴.

Во вторую группу вошли аккаунты средств массовой информации. Чтобы стать объектом исследования, канал СМИ должен был соответствовать пяти критериям:

- признан США в качестве «независимого» на официальном уровне¹⁵;
- на русском языке;
- о политике;
- о России;
- страницы цифровой дипломатии США подписаны на канал¹⁶.

12 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

13 Аккаунт американской программы «Rewards for Justice» на русском языке (@RFJ_Russian) был исключен из нашего анализа, так как он занимается в основном личными данными преступников, объявленных в розыск в США, и не предоставляет информацию о политических событиях. Русскоязычный аккаунт НАТО (@NATOPoRusski), напротив, рассматривался как продолжение цифровой дипломатии США (поскольку Соединенные Штаты являются основной страной-донором Организации Североатлантического договора) и был включен в анализ.

14 Четыре из 10 официальных каналов – @usconsulvlad, @USinStPete, @usconsulyekat, @USEmbRuPress – прекратили свою деятельность на дату начала анализа в марте 2023 г. на фоне закрытия консульских учреждений США в России и сокращения персонала в посольстве США в Москве.

15 U.S. Department of State. Joint Statement on Media Freedom Coalition on Media Freedom in Russia. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-media-freedom-coalition-on-media-freedom-in-russia/>; U.S. Department of State. Human Rights Report. Custom Report 7ced9382ac. URL: <https://www.state.gov/report/custom/7ced9382ac/>.

16 За основу были взяты подписки двух крупнейших официальных каналов цифровой дипломатии США @usembbru и @USApoRusski.

Таблица 2. Официальные каналы цифровой дипломатии США в России в X¹⁷. Отсортировано по дате создания
Table 2. Official X¹⁸ Accounts of the U.S. Digital Diplomacy in Russia. Sorted according to creation date

№	Канал в X	Идентификатор	Дата создания (ММ.ГГГГ)
1	«Голос Америки» ^{*19}	@GolosAmeriki	01.2009
2	Посольство США в Москве	@usembbru	02.2009
3	«Радио Свобода» ^{**20}	@SvobodaRadio	06.2009
4	Консульство США в Екатеринбурге	@usconsulyekat	02.2010
5	Канал Государственного департамента на русском языке («США по-русски»)	@USApoRusski	02.2011
6	Консульство США во Владивостоке	@usconsulvlad	01.2013
7	Консульство США в Санкт-Петербурге	@USinStPete	05.2013
8	«НАТО по-русски»	@NATOPoRusski	08.2014
9	«Настоящее время» ^{***21}	@CurrentTimeTv	09.2014
10	Пресс-центр посольства США	@USEmbRuPress	09.2016

Источник: составлено авторами на основе данных сайта x.com^{**22}

Source: compiled by the authors on site data x.com^{**23}

С целью уравнивать количество выбранных СМИ и официальных каналов авторы выделили десять таких аккаунтов (таблица 3). Далее мы будем называть эту группу «независимые СМИ».

17 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

18 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

19 * Внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

20 ** Внесен в перечень нежелательных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации на основании решения Министерства юстиции № 212-р от 20.02.2024, и в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

21 *** Внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента; входит в медиагруппу «Радио Свобода», внесенную в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, 18+.

22 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

23 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Таблица 3. Аккаунты средств массовой информации, признаваемых США в качестве «независимых» в X^{*24}. Отсортировано по дате создания
Table 3. Accounts of Russian media recognized by the United States as “independent” in X^{*25}. Sorted according to creation date

№	Канал в X	Идентификатор	Дата создания (мм.гггг)
1	«Эхо Москвы» ^{**26}	@echofm_online	06.2009
2	«Дождь ТВ» ^{*27}	@tvrain	04.2010
3	«Новая Газета» ^{**28}	@novaya_gazeta	08.2010
4	«The New Times» ^{**29}	@the_newtimes	08.2011
5	«ОВД-Инфо» ^{*30}	@OvdInfo	12.2011
6	«Ч.Т.Д.» (бывший «МБХ Медиа») ^{**31}	@Chtede	08.2014
7	«Медиазона» ^{*32}	@mediazzona	08.2014
8	«Медуза – LIVE» ^{*33}	@Meduzaproject	09.2014
9	«Проект Медиа» ^{***34}	@wwwproektmedia	06.2018
10	«Журнал “ДОХА”» ^{***35}	@doxa_journal	09.2018

Источник: составлено авторами на основе данных сайта x.com^{*36}

Source: compiled by the authors on site data x.com^{*37}

24 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

25 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

26 ** Информационный ресурс «Эхо Москвы» внесен в реестр запрещенной информации и заблокирован на территории Российской Федерации, 18+.

27 * ООО «Телеканал Дождь» внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

28 ** Информационный ресурс «Новая Газета» внесен в реестр запрещенной информации и заблокирован на территории Российской Федерации, 18+.

29 ** Информационный ресурс «The New Times» внесен в реестр запрещенной информации и заблокирован на территории Российской Федерации, 18+.

30 * Медиапроект «ОВД-Инфо» внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

31 ** Информационный ресурс «МБХ Медиа» внесен в реестр запрещенной информации и заблокирован на территории Российской Федерации, 18+.

32 * Информационный ресурс «Медиазона» внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

33 * Юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, SIA «Medusa Project» внесено в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

34 *** Информационный ресурс «Project Media, Inc.» («Проект Медиа») внесен в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации на основании решения Министерства Юстиции № 799-р от 23.07.2021, 18+.

35 *** Информационный ресурс «Mnenie media z.s.» («ДОХА») внесен в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации на основании решения Министерства Юстиции № 157-р от 08.02.2024, 18+.

36 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

37 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Ограничения

В выборку не вошли страницы лидеров общественного мнения. Отдельные каналы из выборки в своих твитах дали лишь ссылки на статьи, удалили большинство публикаций или полностью скрыли свою активность от публики до начала анализа. Это могло существенно повлиять на набор собранных данных и, следовательно, отразиться на выводах.

Авторы также признают, что возможности ИИ не безграничны. Результаты представленного анализа не могут считаться истиной в последней инстанции из-за возможной предвзятости в обучении больших лингвистических моделей, в частности, американской компанией «OpenAI». Тем не менее, по мнению авторов, ChatGPT 3.5 выступил оптимальным инструментом для кодировки, показав точность в определении фреймов на русском языке. В дальнейшем стоит учитывать, что даже новейшие версии моделей генеративного ИИ все еще страдают от проблем с галлюцинациями, что может влиять на интерпретацию фреймов [3]. Этот вызов требует дополнительных сравнительных исследований по определению фреймов с помощью ИИ.

Фрейм-анализ с помощью ChatGPT

Ориентируясь на работу И.Манора и Р.Крилли [22] при определении периода анализа, авторы выделили четыре ключевых кризиса в отношениях США и России, которые повлияли на двустороннее сотрудничество стран:

- 1) протесты на Болотной площади в Москве в декабре 2011 г.;
- 2) «Марш миллионов» в мае 2012 г.;
- 3) крымский кризис 2014 г.;
- 4) эскалация украинского конфликта в феврале 2022 г.

Такой шаг был предпринят для сокращения общего числа анализируемых публикаций.

Первый и второй кризисы связаны с массовыми политическими протестами в России после парламентских и последующих президентских выборов. Несмотря на кажущуюся внутривнутриполитическую составляющую, эти события отразились на российско-американских отношениях. В 2011 г. занимающая место госсекретаря Х.Клинтон назвала парламентские выборы в России «несвободными и нечестными»³⁸. Занимавший в то время пост премьер-министра Российской Федерации В.Путин обвинил ее в разжигании протестов³⁹. Важными фактами для данного исследования следует считать то, что уже через два с половиной месяца после «Марша миллионов» в 2012 г. в России появился Закон об иностранных

38 Mohammed A., Adomaitis N.A. US suggests Russian elections neither free nor fair. URL: <https://www.reuters.com/article/russia-election-usa-idINDEE7B506A20111206>.

39 Gutterman S., Bryanski G. Putin says US stoked Russian protests. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-russia/putin-says-u-s-stoked-russian-protests-idUKTRE7B70H720111208/>.

Таблица 4. Крупнейшие кризисы в российско-американских отношениях с 2009 по 2023 г. и неизменяемые формы или сокращения наиболее используемых слов в твитах**Table 4.** Major crises in the U.S. – Russia relations 2009–2023. Stems of the most often used keywords

Кризис	Период	Неизменяемые формы ключевых слов или используемые в публикациях сокращения
Массовые протесты после выборов в Госдуму	04.12.2011 – 10.12.2011	мск, москв, выбор, 10дек, бдек, акц, протест, сша, митинг, болотн, площад, оппозиц, госдум, росси, наблюдат, парт, голос, нарушен, фальсификац, махинац, избират
«Марш миллионов»	06.05.2012 – 12.05.2012	сша, путин, марш, миллион, бмая, москв, инаугурац, массов, росси, задержан, демонстрац
Крымский кризис	18.03.2014 – 24.03.2014	сша, украин, росси, русс, обсе, крым, сева-стоп, президент, обам, путин, санкц, язык
Эскалация украинского конфликта	24.02.2022 – 02.03.2022	украин, росси, войн, человек, военн, президент, путин, зеленск, киев, санкц

Источник: создано авторами
Source: compiled by the authors

агентах⁴⁰ и были закрыты все программы Агентства США по международному развитию (англ. United States Agency for International Development, USAID)⁴¹.

Третий и четвертый кризисы 2014 и 2022 гг. не менее релевантны, так как они служат наглядным примером построения альтернативных реальностей разными странами, в данном случае Россией и США, посредством создания метанарративов и фрейминга.

Для сбора и анализа данных авторы обратились к X Advanced Search⁴² и использовали компьютерную программу, написанную на языке программирования Python с использованием Selenium⁴³. С помощью этой программы были выгруже-

40 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон РФ от 20.07.2012 г. № 121-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35748>.

41 Reuters. USAID mission in Russia to close following Moscow decision. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSL1E8KICFT/>.

42 X Advanced Search – это открытый и общедоступный источник информации о ранее опубликованных твитах.

43 Selenium – это зонтичный проект с открытым исходным кодом для целого ряда инструментов и библиотек, направленных на поддержку автоматизации браузеров и необработанных запросов.

ны публикации, посвященные четырем выбранным кризисам. Количество твитов было ограничено днем возникновения кризиса и неделей после него. Отрезок времени в семь дней связан с необходимостью проследить устойчивость фрейминга.

Опасаясь получить слишком много твитов, авторы извлекли ключевые слова из публикаций официальных аккаунтов с помощью Python и выбрали те, которые соответствовали вышеупомянутым кризисам (таблица 4). Затем мы применили ключевые слова для парсинга только релевантных сообщений. В результате была получена выборка данных, состоящая из 5 872 твитов (3 000 твитов были получены из официальных аккаунтов, а остальные 2 872 – от «независимых СМИ»).

Метод анализа фреймов, представленный в работе, основан на результатах предыдущих исследований, но имеет целью создать усовершенствованный способ выявления фреймов. Чтобы снизить предвзятость со стороны человека и автоматизировать фрейм-анализ на русском языке, авторы обратились к генеративному ИИ ChatGPT. Авторы с помощью созданных самостоятельно промптов заранее уточнили у ИИ-модели, может ли она проводить фрейм-анализ на русском языке⁴⁴. Программа ответила положительно и предупредила о необходимости предварительной очистки данных. В связи с этим из собранных данных были удалены все ссылки и дополнительная информация, не относящаяся к содержанию публикации. Форма слов не изменялась, специальные символы (например, точки и запятые) не удалялись. Такая очистка данных могла лишь запутать ИИ, который способен считывать смысл текста⁴⁵. Результаты анализа читатель сможет найти по ссылке⁴⁶.

Уже после фрейм-анализа с помощью ChatGPT выделенные конструкции были приведены к инфинитивной форме, а повторы удалены. Всего авторы смогли насчитать 3 374 уникальных фрейма у официальных аккаунтов и 967 фреймов на страницах «независимых СМИ».

44 Для того чтобы убедиться, что ChatGPT 3.5 понимает, что такое фрейм-анализ, модели были заданы дополнительные вопросы. Согласно ответам ChatGPT, ее метод выявления фреймов в коммуникативном тексте основан на работах Э.Гофмана, Р.Энтмана и других авторов и заключается, прежде всего, в изучении базовых предположений, ценностей и точек зрения, заложенных в тексте. Лексические структуры текста, соответствующие этим критериям, определяются ChatGPT, а затем возвращаются пользователю.

45 Если кодировщики не были уверены в правильности ответа, ChatGPT задавался вопрос: «Почему [выделенный фрейм] является фреймом?» Если модель объясняла причины, по которым был выделен фрейм, результат использовался в дальнейшем анализе. Если ИИ не мог объяснить или сообщил об ошибке, указанная фраза исключалась из дальнейшего анализа. К сожалению, версия ChatGPT 3.5 все еще не могла обрабатывать более 4 096 символов за один раз. Чтобы преодолеть это препятствие, авторы разделили набор данных на небольшие части от трех до десяти твитов в зависимости от количества символов и проанализировали их по одному.

46 Результаты анализа. URL: <https://clck.ru/3DG4Sp>.

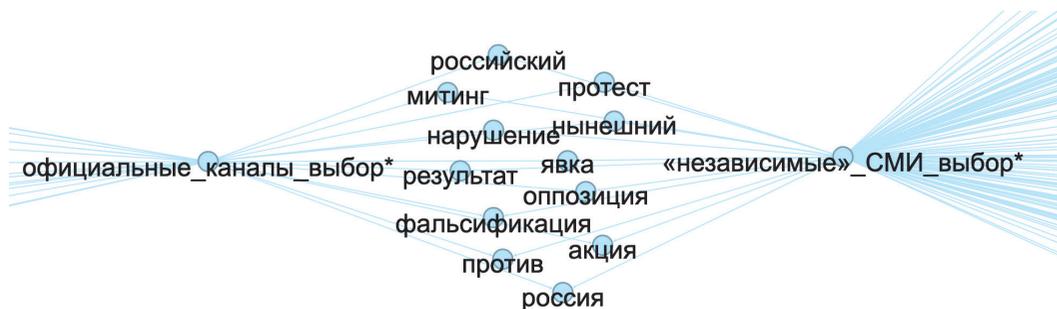
Результаты исследований

С целью более точной интерпретации и визуализации результатов фрейм-анализа мы взяли неизменяемые формы (основы) слов, наиболее повторяющихся среди всех извлеченных ChatGPT фреймов и оптимально описывающих кризис. В 2011 г. это была основа выбор* (от слова «выборы»), в 2012 г. – марш* (от слова «марш»), в 2014 г. – крым* (от слова «Крым»), в 2022 г. – росси* (от слов «Россия» / «российский» / «россиянин»). Программа Voyant Tools помогла авторам выделить все возможные коллокации в нашем наборе данных, используемые с этими основами, а Gephi – визуализировать совпадения на графике.

В 2011 г. совпадающими частями словосочетаний с основой выбор* на официальных каналах цифровой дипломатии США и в аккаунтах «независимых СМИ» стали: «Россия», «протест», «нарушение», «явка», «фальсификация», «оппозиция», «российский», «нынешний», «результат», «против», «акция» (рисунок 1).

Рисунок 1. Общие коллокации, используемые с основой выбор* («выборы») из выделенных фреймов официальных каналов CIF и «независимых СМИ» в X⁴⁷ в 2011 г.

Figure 1. Common collocations used with the stem vybor* (elections) from the frame-list of official U.S. and 'independent media' accounts on X⁴⁸ in 2011

Источник: составлено авторами
Source: created by the authors

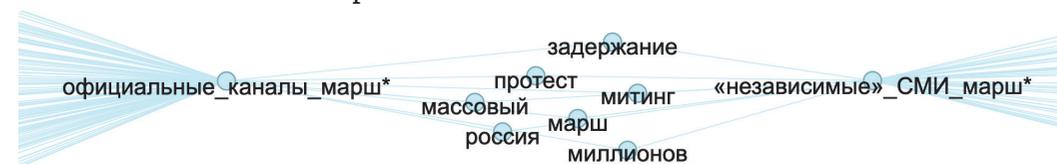
47 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

48 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

В 2012 г. общие фрейм-конструкции с основой марш* включали такие слова, как: «миллионов», «протест», «массовый», «Россия», «митинг», «задержание» (рисунок 2).

Первые два примера свидетельствуют о том, что в 2011 и 2012 гг. фреймы носили преимущественно описательный характер и не содержали моральных оценок. Скорее всего, их можно было встретить в нарративе любого другого российского СМИ.

Рисунок 2. Общие коллокации, используемые с основой марш* из выделенных фреймов официальных каналов США и «независимых СМИ» в X⁴⁹ в 2012 г.
Figure 2. Common collocations used with the stem marsh* (march) from the frame-list of official U.S. and 'independent media' accounts on X⁵⁰ in 2012

Источник: составлено авторами
Source: created by the authors

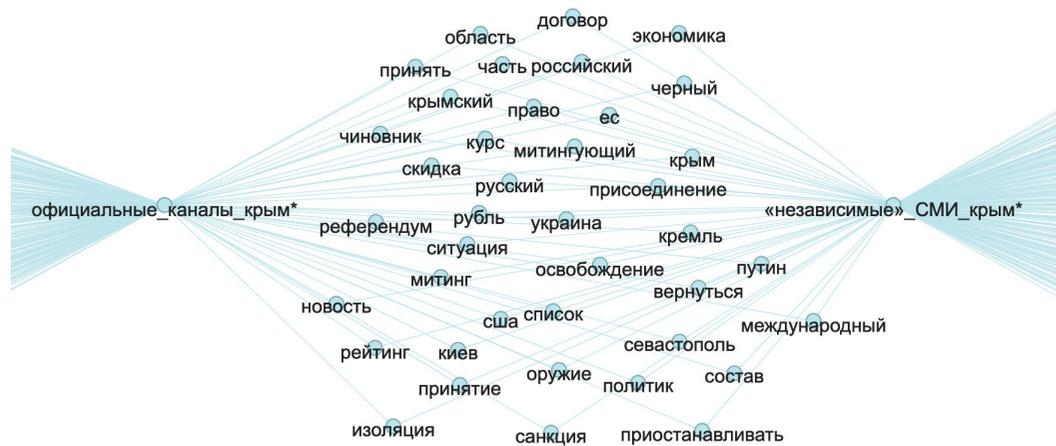
В 2014 г. основа крым* встречалась в связке с такими словами, как «освобождение», «присоединение» и «референдум». Несмотря на это, слова «изоляция» и «санкция» также использовались как официальными каналами, так и «независимыми СМИ» в словосочетаниях с крым* (рисунок 3).

В целом в ходе первой недели кризиса конца марта 2014 г. авторы не выявили унифицированного подхода к описанию событий. В первую очередь это касается использования фреймов «аннексия Крыма Россией» и «присоединение Крыма к России». Официальные аккаунты США использовали оба варианта, при этом «независимые СМИ» предпочли второй, применяемый также государственными каналами распространения информации России. Это может свидетельствовать о том, что российский государственный нарратив все еще не воспринимался США и оппозиционными каналами в качестве угрозы.

49 Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

50 Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

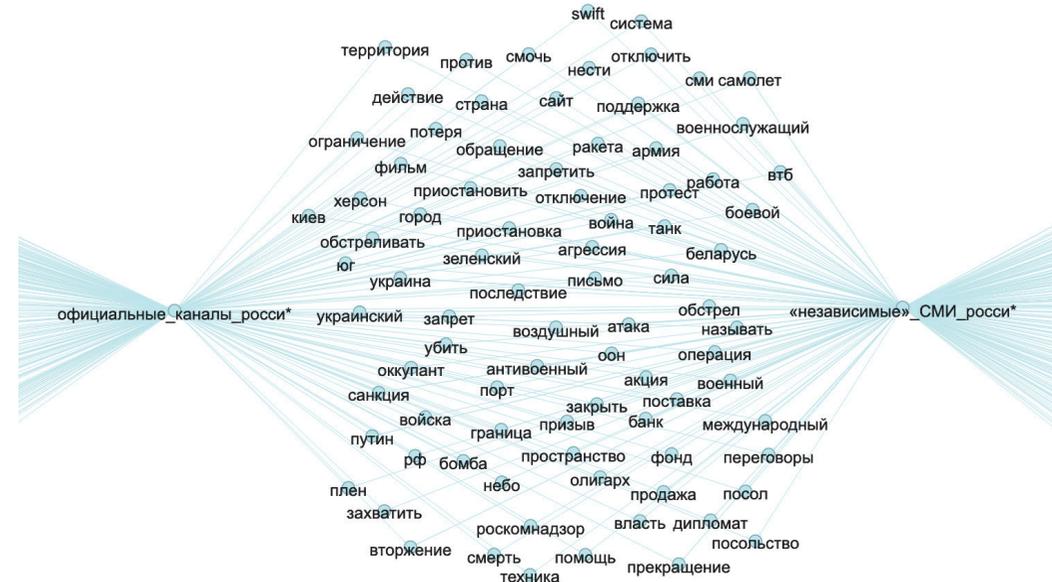
Рисунок 3. Общие коллокации, используемые с основой крым* из выделенных фреймов официальных каналов США и «независимых СМИ» в X^{*51} в 2014 г.
Figure 3. Common collocations used with the stem krym* (Crimea) from the frame-list of official U.S. and 'independent media' accounts on X^{*52} in 2014

Источник: составлено авторами
Source: created by the authors

Ситуация заметно изменилась в 2022 г. – фрейм-конструкции «независимых СМИ» стали намного ближе к официальным аккаунтам цифровой дипломатии США с точки зрения оценок реальности. Рядом с основой росси* встретились такие коллокации, как: «агрессия», «вторжение», «оккупант», «обстрел», «антивоенный», «смерть», «санкции», «убить», «танк», «войска», «атака» (рисунок 4). В описании кризиса, используемом обеими группами, не было замечено сильных расхождений, которые становятся явными при сравнении с интерпретацией событий на Украине с 2022 г. российскими государственными СМИ.

Рисунок 4. Общие коллокации, используемые с основой росси* из выделенных фреймов официальных каналов США и «независимых СМИ» в X^{*53} в 2022 г.
Figure 4. Common collocations used with the stem rossi* (Russia / Russian) from the frame-list of official U.S. and "independent media" accounts on X^{*54} in 2022

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

При более близком сравнении числа совпадений (в том числе в процентном соотношении) среди всех словосочетаний с выбранными основами выделяется 2022 г. (таблица 5). В то время как в 2011, 2012 и 2014 гг. процент совпадений не превысил 8%, в рамках кризиса 2022 г. этот показатель удвоился и достиг 16,3%.

51 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

52 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

53 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

54 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Таблица 5. Количество совпадений среди всех словосочетаний, используемых с выбранными основами**Table 5.** The number of matches among all collocations used with the key lemmas analysed

Год	Выбранная основа	Общее число словосочетаний	Число совпадающих словосочетаний у официальных каналов и «независимых СМИ»	Число совпадающих словосочетаний в процентах (%)
2011	выбор*	155	12	≈ 8
2012	марш*	152	7	≈ 5
2014	крым*	513	39	≈ 8
2022	росси*	515	84	16,3

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

Обсуждение результатов

Результаты анализа демонстрируют, что с 2011 по 2022 г. риторика выбранной группы каналов СМИ перешла от среднестатистического описания ситуации, которое можно увидеть на любом другом информационном ресурсе, к широкому задействованию ценностных и моральных оценок подобно цифровой дипломатии США. С одной стороны, это может свидетельствовать в пользу частичной привлекательности американской риторики в конкретном сегменте российского информационного пространства, занимаемом оппозиционными каналами. С другой стороны, это может служить в качестве косвенного доказательства связи цифровой дипломатии США с теми же называемыми «независимыми СМИ». Это также демонстрирует общий тренд на повышение градуса эмоций в цифровом дискурсе, который в том числе относится к медийной и дипломатической онлайн-практике. Наконец, подобное размежевание дискурсов все ярче подчеркивает тренд на фрагментацию информационного пространства.

Несмотря на то, что результаты проведенного анализа указывают на совпадение фрейм-конструкций, используемых официальными ресурсами цифровой дипломатии США и выбранной группы СМИ, доподлинная причина такого положения остается неизвестной. Использование одних и тех же фреймов может быть связано как с распространением США своей сетевой власти и проплаченной деятельностью, так и просто с тем, что альтернативная российской американская повестка является «привлекательной» для изучаемых СМИ, либо же иными факторами, не учтенными авторами. Вне зависимости от причины так называемые «независимые СМИ» мультиплицируют повестку США в публичном российском информационном пространстве. Это вынуждает Россию противодействовать недружественным антироссийским нарративам с помощью ограничения доступа к распространяющим их ресурсам. Первые

шаги по сдерживанию вмешательства во внутренние дела со стороны американской дипломатии и ее коммуникационной сети были сделаны еще в 2012 г. Однако пик этой активности пришелся на 2021–2022 гг., когда большинство из тех, кого США признают «независимыми СМИ», получили статус «иностранных агентов» и «нежелательных организаций» в Российской Федерации из-за распространения недостоверной и искаженной информации о происходящих событиях. Выборка так называемых «независимых СМИ» в категории цифровой дипломатии США, изучаемая в данной статье, не стала исключением.

Это подводит черту под усилиями американской цифровой дипломатии, практикуемой с помощью коммуникационных инструментов, в информационном пространстве Российской Федерации. В свою очередь, все нарастающее количество ограничений влечет за собой переход США на новые платформы, например Telegram [4], что ускоряет гибридизацию ее цифровой дипломатии.

Выводы

Информация о расходах США на публичную дипломатию в России и ближайших к ней странах подтверждает, что российское направление – один из приоритетов внешней политики США как в Европе, так и в мире. США продолжают финансировать программы для обхода интернет-блокировок (VPN), создают гранты для средств массовой информации, но в то же время ограничивают распространение альтернативного видения реальности на своей территории с помощью деплатформизации российских источников информации (вытеснения со своих ИТ-платформ).

Данная статья призвана продемонстрировать, что США за период становления и развития своей цифровой дипломатии в России смогли сформировать трансмедийный холдинг, состоящий из официальных аккаунтов государственных ведомств и аккаунтов цифровых СМИ, которые признаются США «независимыми» и распространяют американские фреймы. Стимулом к такой эволюции послужила российско-американская конфронтация за установление повестки дня, обострившаяся в 2014–2016 гг. Анализ раскрывает, что в промежуток между 2011 и 2022 гг. так называемые «независимые СМИ» постепенно и все более явно стали объяснять происходящие в России события с задействованием нарративов, крайне близких и даже идентичных таковым у официальных каналов США. Это вписывается в рамки американских официальных документов, таких как Стратегия национальной безопасности (2022 г.), в которых декларируется поддержка «независимых СМИ» за рубежом и «укрепление целостности медиасреды – основы процветающей демократии»⁵⁵. В результате само определение, используемое США для описания СМИ, придерживающихся их нарративов, в качестве «независимых» становится фреймом для специалистов этой области.

⁵⁵ National Security Strategy October 2022. Pp. 18. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

Данная статья – одно из немногих исследований, в которых изучается пространство фреймов [21]. Кроме того, работа вводит новый подход к выделению фрейм-конструкций в тексте, что может помочь ученым снизить уровень предвзятости при условии непредвзятого обучения самой ИИ-модели, расширить список проанализированных кейсов за счет изучения фреймов на языках, отличных от английского, но распознаваемых ИИ, и сократить время исследования.

Список литературы

1. Антюхова Е.А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации [US Digital Diplomacy as a Segment of NATO Public Diplomacy] // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3(72). С. 21–27.
2. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. Игровое пространство «информационного беспорядка» [Game Space of «Information Disorder»] // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 122–136. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-122-136>.
3. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. Рамочный анализ данных на русском языке с помощью ChatGPT [Frame analysis in Russian with ChatGPT] // Медиа в современном мире. 2023. С. 7–8.
4. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н., Цветкова Н.А. Вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии [Evaluating Audience Engagement as a Measure of Digital Diplomacy Effectiveness] // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 4. С. 48–82. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82>.
5. Бодрунова С.С. Термин «фрейминг» в политической коммуникативистике: рождение и созревание большой идеи в теории медиаэффектов [Framing as a term in political communication studies: How a big idea grew and matured in the media effects theory] // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 127–141.
6. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности [US Digital Diplomacy: Opportunities and Threats to International Security] // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1. С. 213–228.
7. Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США [Digitalization of US Public Diplomacy] // Актуальные проблемы мировой политики. Ежегодный альманах. 2020. Т. 10. С. 432–443.
8. Ali M., Hassan N. A survey of computational framing analysis approaches // Proceedings of the 2022 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2022:9335–9348 [In English]. <https://doi.org/10.18653/v1/2022.emnlp-main.633>.
9. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // International Affairs. 2022; Vol. 98(2):471–491. <https://doi.org/10.1093/ia/iiac005>.
10. Bjola C., Zaiotti R., eds. Digital diplomacy and international organisations: Autonomy, legitimacy and contestation. Routledge, 2020.
11. Burscher B., Odijk D., Vliegthart R., De Rijke M., De Vreese C.H. Teaching the computer to code frames in news: Comparing two supervised machine learning approaches to frame analysis // Communication Methods and Measures. 2014; Vol. 8(3):190–206. <https://doi.org/10.1080/19312458.2014.937527>.
12. Cull N.J. Public diplomacy: Taxonomies and histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008; Vol. 616(1):31–54. <https://doi.org/10.1177/0002716207311952>.
13. Dizard Jr W. Digital diplomacy: US foreign policy in the information age. Bloomsbury Publishing USA; 2001.
14. Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. 1993; Vol. 43(4):51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
15. Gamson W.A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach // American Journal of Sociology. 1989; Vol. 95(1):1–37.
16. Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. Harvard University Press; 1974.
17. Jenkins H. Convergence Culture: Where old and new media collide. New York University Press; 2006:307–319.
18. Johnston H. Comparative Frame Analysis. In: Frames of protest: Social movements and the framing perspective. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 2005; 237–260.

19. Krippendorff K. Computing Krippendorff's Alpha-Reliability. Annenberg School for Communication Departmental Papers. 2011. URL: https://repository.upenn.edu/asc_papers/43.
20. Lüfkens M. Twiplomacia. Otázky žurnalistiky. 2013; Vol. 56(3–4):121–132 [In Slovak].
21. Manor I., Crilley R. The Mediatisation of Ministries of Foreign Affairs: Diplomacy in the New Media Ecology // Ministries of Foreign Affairs in the World. 2022:273–298. https://doi.org/10.1163/9789004505889_014.
22. Manor I., Crilley R. Visually Framing the Gaza War of 2014: The Israel Ministry of Foreign Affairs on Twitter // Media, War and Conflict. 2018; Vol. 11(3):369–391. <https://doi.org/10.1177/1750635218780564>.
23. Manor I. Framing Adversaries: Digital Diplomacy and Moral De-Legitimization // The 9th Pan-European Conference on International Relations. 2015.
24. Melissen J., de Keulenaar E.V. Critical digital diplomacy as a global challenge: The South Korean experience // Global Policy. 2017; Vol. 8(3):294–302. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12425>.
25. Pamment J. Digital Diplomacy as Transmedia Engagement: Aligning Theories of Participatory Culture with International Advocacy Campaigns // New Media and Society. 2016; Vol. 18(9):2046–2062. <https://doi.org/10.1177/1461444815577792>.
26. Prier J. Commanding the trend: Social media as information warfare // Strategic Studies Quarterly. 2017; Vol. 11(4):50–85. URL: <http://www.jstor.org/stable/26271634>.
27. Scott W.A. Reliability of content analysis: The case of nominal scale coding // Public Opinion Quarterly. 1955; Vol. 19(3):321–325. URL: <http://www.jstor.org/stable/2746450>.
28. Semetko H.A., Valkenburg P.M. Framing European politics: A content analysis of press and television news // Journal of communication. 2000; Vol. 50(2):93–109. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x>.
29. Tsvetkova N.A. Dealing with a resurgent Russia: Engagement and deterrence in US international broadcasting, 2013–2019 // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2019; Vol. 12(4):435–449. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.403>.

Информация об авторах

БАЗЛУЦКАЯ Мария Михайловна. Аспирант кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>. Адрес: Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76. m.bazlutskaya@gmail.com.

СЫТНИК Анна Николаевна. Кандидат политических наук. Доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. a.sytnik@spbu.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 сентября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 12 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликована: 4 декабря 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Antyukhova E. 2016. US Digital Diplomacy as a Segment of NATO Public Diplomacy. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences]* 2016; 3(29):11-14 [In Russian].
- Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. Frame analysis in Russian with ChatGPT. *Media v sovremennom mire [Media in a modern world]*. 2023; 2:7-8 [In Russian]. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4552994>.
- Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. Game Space of «Information Disorder» // *Rossija v globalnoj politike [Russia in Global Affairs]*. 2024; 22(4):122-136 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-122-136>.
- Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N., Tsvetkova N.A. Evaluating Audience Engagement as a Measure of Digital Diplomacy Effectiveness. *MGIMO Review of International Relations*. 2024; 17(4):48-82 [In Russian]. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82>.
- Bodrunova S.S. Framing as a term in political communication studies: How a big idea grew and matured in the media effects theory. *Zhurnal politicheskikh issledovanij [Journal of political studies]*. 2019; 3(4):127-141 [In Russian].
- Zinovieva E.S. US Digital Diplomacy: Opportunities and Threats to International Security. *Indeks Besopasnosty [Security Index]*. 2013; 19(1):213-228 [In Russian].
- Tsvetkova N.A. 2020. Digitalization of US Public Diplomacy. In: *Digest of World Politics Annual Review*. Edited by T. Nemchinova. 2020; 10:432-443 [In Russian].
- Ali M., Hassan N. A survey of computational framing analysis approaches. In *Proceedings of the 2022 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. 2022:9335-9348 [In English]. <https://doi.org/10.18653/v1/2022.emnlp-main.633>.
- Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption. *International Affairs*. 2022; 98(2):471-491 [In English]. <https://doi.org/10.1093/ia/iiac005>.
- Bjola C., Zaiotti R., eds. *Digital diplomacy and international organisations: Autonomy, legitimacy and contestation*. Routledge; 2020 [In English].
- Burscher B., Odijk D., Vliegthart R., De Rijke M., De Vreese C.H. Teaching the computer to code frames in news: Comparing two supervised machine learning approaches to frame analysis. *Communication Methods and Measures*. 2014; 8(3):190-206 [In English]. <https://doi.org/10.1080/19312458.2014.937527>.
- Cull N.J. *Public diplomacy: Taxonomies and histories*. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008; 616(1):31-54 [In English]. <https://doi.org/10.1177/0002716207311952>.
- Dizard Jr W. *Digital diplomacy: US foreign policy in the information age*. Bloomsbury Publishing USA; 2001 [In English].
- Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 1993; 43(4):51-58 [In English]. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
- Gamson W.A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach. *American Journal of Sociology*. 1989; 95(1):1-37 [In English].
- Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Harvard University Press; 1974 [In English].
- Jenkins H. *Convergence Culture: Where old and new media collide*. New York University Press; 2006:307-319 [In English].
- Johnston H. *Comparative Frame Analysis*. In: *Frames of protest: Social movements and the framing perspective*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 2005; 237-260 [In English].
- Krippendorff K. *Computing Krippendorff's Alpha-Reliability*. Annenberg School for Communication Departmental Papers. 2011 [In English]. Available at: https://repository.upenn.edu/asc_papers/43.
- Lüfkens M. *Twiplomacia. Otázky žurnalistiky*. 2013; 56(3-4):121-132 [In Slovak].
- Manor I., Crilley R. The Mediatization of Ministries of Foreign Affairs: Diplomacy in the New Media Ecology. In *Ministries of Foreign Affairs in the World*. 2022:273-298 [In English]. https://doi.org/10.1163/9789004505889_014.
- Manor I., Crilley R. Visually Framing the Gaza War of 2014: The Israel Ministry of Foreign Affairs on Twitter. *Media, War and Conflict*. 2018; Vol. 11(3):369-391 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1750635218780564>.
- Manor I. *Framing Adversaries: Digital Diplomacy and Moral De-Legitimization*. In *The 9th Pan-European Conference on International Relations*. 2015 [In English].
- Melissen J., de Keulenaar E.V. Critical digital diplomacy as a global challenge: The South Korean experience. *Global Policy*. 2017; 8(3):294-302 [In English]. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12425>.

- Pamment J. Digital Diplomacy as Transmedia Engagement: Aligning Theories of Participatory Culture with International Advocacy Campaigns. *New Media and Society*. 2016; 18(9):2046-2062 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1461444815577792>.
- Prier J. Commanding the trend: Social media as information warfare. *Strategic Studies Quarterly*. 2017; 11(4):50-85 [In English]. Available at: <http://www.jstor.org/stable/26271634>.
- Scott W.A. Reliability of content analysis: The case of nominal scale coding. *Public Opinion Quarterly*. 1955; 19(3):321-325 [In English]. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2746450>.
- Semetko H.A., Valkenburg P.M. Framing European politics: A content analysis of press and television news. *Journal of communication*. 2000; 50(2):93-109 [In English]. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x>.
- Tsvetkova N.A. Dealing with a resurgent Russia: Engagement and deterrence in US international broadcasting, 2013-2019. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2019; 12(4):435-449 [In English]. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.403>.

About the authors

Mariia M. BAZLUTCKAIA. Postgraduate student of the Department of World Political Processes. Moscow State Institute of International Relations, Department of World Political Processes. <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>. Address: 76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. m.bazlutskaya@gmail.com.

Anna N. SYTNIK. CandSc. (Polit.). Assistant Professor. St. Petersburg State University. <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>. Address: 7-9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation, a.sytnik@spbu.ru.

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: September 10, 2024. Approved after review: October 12, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.